

Сделка

— Кирилл! Поди-ка сюда!

Посреди пыльной улицы идет человек. Улыбавшись свое имя, он останавливается, переступает с ноги на ногу и, загребая пыль стоптанными башмаками, поворачивает к стоящему у калитки высокому, аккуратно одетому мужчине. Подойдя, хмуро спрашивает:

— Чего тебе?

— Выпить хочешь?—спрашивает высокий, слегка отворачивая лицо.

— А что? — облизывая полные губы, хрипло тянет Кирилл. И, откашлявшись в кулак:— Что надо-то?

— Собаку застрелить.

— Собаку?.. Можно. Только...— Кирилл щелкает пальцем по кадыку.— Сушь великая.

— Куплена. Вчера еще купил. В холодильнике. Холодненькая,— улыбаясь, говорит высокий.

Кадык у Кирилла прыгает, по небритому лицу ползет ответная улыбка.

— Ты гляди, Кирилл, ты недолго,— говорит высокий, передавая ружье и поводок с собакой.— А то, не ровен час, уйду куда.

Кирилл хмурится, вскидывает ружье на плечо, неуверенно тянет:

— Ты б, того, дал мне ее с собой-то?

— Ишь! Нет уж, милый, сначала дело справь. Бутылка, она денег стоит. Да чего ты переживаешь? Дело секундное. Вернешься и получишь.

Кирилл вздыхает, опять переминается с йоги на ногу и зло дергает за поводок:

— Пошли, псина!

Высокий некоторое время смотрит вслед, сплевывает и, приотворив калитку, идет к дому.

— Договорился?— спрашивает у него же на, вышедшая на крыльцо.

— С этим-то? Да с ним за бутылку о чем хочешь договориться можно. Спивается мужик,— ухмыляется муж и переводит разговор.

До леса недалеко.

«Холодненькая, это хорошо! Холодненькая, она легче!»—думает Кирилл и натягивает поводок:

— Да шагай ты, псина, и морду назад не ворочь. Не ворочь, тебе говорю! Собачья твоя жисть, и жалеть не о чем.

В лесу жарко. Пахнет смолой, вереском.

— Ишь, благодать-то какая... Тихо. Слышь, псина?

Кирилл косится на собаку. Она стоит опустив морду, не отвечает. Кирилл хмурится, сворачивает вправо от тропинки. Пройдя немного, привязывает собаку к дереву. Садится рядом. Кладет ружье на колени. Вертит головой. Невдалеке в кустах тенькает птица. Кирилл вздыхает, стягивает с головы кепку, приглаживает рукой редкие волосы.

— Хорошо...

Переводит взгляд на собаку.

«Поспешать бы надо. А то вправду уйдет куда хозяин. Он такой. Ищи опосля».

Тяжело поднимается, взводит курок, це-

лится и неожиданно кричит:

— Да не смотри ты на меня, собачье твое отродье! Кому говорю?!

Лицо Кирилла краснеет от крика, на шее вздувается вена.

— Какого черта хвостом машешь! А?! Я тебя спрашиваю?!—и, подскочив к собаке, бьет ее ногой.

Собака сжимается, прячет морду в лапы.

Кирилл в недоумении:

— Да рычи ты, бросайся на меня. Собака ты или не собака?

Собака в ответ переворачивается на спину.

— Да я ж тебя!—кричит Кирилл, вскидывая ружье, и замирает, удивленно и растерянно глядя на собаку.

— Да ты что, псина, плачешь?—спрашивает Кирилл и наклоняется к ней. Пальцы у него дрожат.

— Чего ж ты руку лижешь? Тебя бьют, а ты руку лижешь. Как же это? Достоинства у тебя нету. Злости нету. Какая же ты собака после этого?..

Замолкает, садится рядом, кладет ружье на колени и долго сидит, глядя в густоту кустарника, слегка покачиваясь. Собака садится рядом. Морда у собаки теплая, она дышит в ухо, словно вздыхая, пугливо ласкается.

— Ишь ты,— бормочет Кирилл.— Ишь, псина...

Отвязывает собаку и, держа рукой поводок, а другой волоча ружье, идет вон из леса, бормоча себе под нос какие-то слова, которых собака собачьим своим умом понять не может.

—